

ВЛАДИМИР ПОЗДНЯКОВ

СОВЕТНИК В КАНДАГАРЕ

ЭПИЗОДЫ РАБОТЫ

Шла война

18 февраля 1983 года по решению ЦК ВЛКСМ и по собственному желанию я оказался в славном городе Кандагаре – древней столице Афганистана. В то время его называли “афганским Сталинградом” из-за огромных разрушений. Результаты многочисленных БШУ (бомбово-штурмовых ударов) вертолётов и штурмовиков, обстрелов и т. п.

Ещё дня два тому назад я был в мирной Москве.

Первое, что меня поразило при посадке в Кабуле – обилие вооружённых людей, которых я увидел из иллюминатора ТУ-104. Воюющая страна!

В аэропорту встретили Толя Житнухин, Саша Потапов и другие мушаверы (советники). Приветы, подарки, письма, обед, перешедший в ужин. Знакомства, рассказы, предостережения и напутствия на Кандагар. Многих из ребят я уже знал, так как летом мы вместе проходили специальную подготовку в Узбекистане (Ташкент, Чирчик).

Официальный групповой заезд команды молодёжных советников проходил в ноябре 1982 года – я туда не попал и прибыл только в феврале для замены заболевшего гепатитом нашего товарища Н. Плотникова из Харькова.

В Кабуле начальство со мной особо не церемонилось (обычно полагалась адаптация в течение недели, лекции, индивидуальные беседы, то есть вхождение в обстановку). Но уже на следующий день старшие мушаверы провели со мной собеседования, инструктажи, в том числе по технике безопасности. В ЦК Демократической организации молодёжи Афганистана (ДОМА) ознакомили с документами провинциальных комитетов ДОМА зоны “Юг”: Кандагар, Заболь, Урузган. Выдали “калашников”, “макаров”, массу пропагандистской литературы. Ну и, конечно же, поставили первоочередные задачи...

Вечер с друзьями 17 февраля прошёл столь же бурно, как и накануне. (Я получил подъёмные, заработную плату, “норму” из посольского магазина...)

Утром 18 февраля со всем багажом меня толкнули в “вертушку”, и через два-три часа я был уже в Кандагаре, точнее, в местном аэропорту. До города порядка 30 км, а до ООНовского городка (места моего будущего жительства) 24 км.

Разбитая автомобильная дорога контролируется нашими бойцами только в трёх-четырёх точках: мосты и пикеты на вершушках близлежащих скал и барханов. Обычно движение по дороге начинается в 8–8.30 утра. Вначале проезжают сапёрные машины, следом за ними несколько БТР с военными советниками, а затем едут те, кому надо быть в Кандагаре по долгу службы.

Гражданские машины ездят до 17 часов (не позднее) на свой страх и риск, без бронированного сопровождения.

Наши “вертушки” прибыли в аэропорт Кандагара около 12 часов дня. Моя персона никого не интересовала. Автобусы не ходят, такси не ездят, броня вся-

кая движется либо по приказу больших военных начальников, либо по договорённости с хорошо знакомыми прапорщиками. (Кстати о прапорщиках. В Афганистане в те годы ходила пословица: “Всё, что создано народом – принадлежит прапорщикам”.) Знакомых в аэропорту у меня, естественно, не было.

Детали чудесного обретения БТРа с сопровождением второго БТРа для транспортирования меня в ООНовский городок я опускаю. Но через пару часов я сидел внутри бронированной машины. Молодые бойцы смотрели на меня с некоторым интересом. У скоростного БТР 8 колёс, но дорога такова, что особо не разгонишься. Желание же побыстрее проскочить эти километры у моих защитников и помощников было велико.

Мой приезд на виллу ООНовского городка произвёл фурор – как снег на голову. Меня не ждали, точнее, ждали, но не в этот день. Накануне ночью в город вошла банда, и там сильно стреляли, в том числе из пушек и орудий. Обычно на следующий день после боя в город советские люди из числа гражданских лиц на работу не выезжали. Информация должна была быть доведена до моего руководства в Кабуле через спецорганы. Но, как водится, этого сделано не было.

В городке в двух соседних виллах проживало шесть человек из СССР. Кроме того, в городке жили жёны военных советников различных ведомств. Остальные – военнослужащие из охраны городка и советники силовых ведомств: ХАДа (КГБ), царандоя (МВД), работники различных спецслужб. Всего около 30 человек.

Встретили меня и радостно и настороженно. Кто ты?

Неприкосновенный запас для знакомства мне удалось сохранить (привёз из Москвы). Отметим.

Тот первый день поездки на работу 19 февраля 1983-го помню очень хорошо. Дорога от нашего городка до провинциального комитета ДОМА (это 7–8 км) проходила мимо городского мусульманского кладбища. На нём после вчерашней стрельбы добавилось несколько новых могил. Они были обозначены длинными шестами с зелёными флажками.

Следует отметить, что любая жертва, смерть, гибель афганца, кто бы ни стрелял в городе или его окрестностях, чаще всего приписывалась действиям моих соотечественников – советским людям. “Шурави убил нашего”, таково было отношение к любому русскому, независимо от того, в военной ли он форме, в гражданской ли одежде.

В этих условиях мне предстояло работать.

Мои коллеги уже не первый месяц в Афганистане. Они спокойны. А у меня ходуном ходят ноги, руки, нервной дрожью трясёт всё тело. И ничего не могу с собой поделаться. И тут пришла спасительная мысль: “Сам выбрал работу, страну, провинцию, ну и работай, живи, делай своё дело, отработай свой срок и живым вернись домой. Не привлекай к себе беду”.

В Кандагаре с момента введения института молодёжных советников я был уже четвёртым. И выстраивалась некая лесенка: первый советник Игорь Колотко был досрочно отозван, вывезен из Кандагара из-за проблем с головой, второй, Григорий Семченко – контужен при падении с БТРа во время подрыва, третий – вывезен с гепатитом. И вот я тут нарисовался... Эту негодную традицию надо было прекращать. В какой-то мере удалось. Благополучно после меня отработали Игорь Мальярчук, Саша Юрьев – мой друг и по настоящее время (кстати, так случилось, что Саша заменял меня в качестве руководителя агитпоезда “Комсомольская правда” на БАМе в 1978 г.). Других советников, работавших в Кандагаре, я не знаю. А вот Грише Семченко – он работал повторно седьмым по счёту советником – не повезло. Во время одного из миномётных обстрелов городка Гриша был тяжело ранен. Затем больше года пролежал в госпиталях Кабула, Ташкента, Ленинграда. Хоть ногу и удалось спасти, но вылечить окончательно не удалось.

Первые дни пребывания в Афганистане врезались в память навсегда. Эти дни были, с одной стороны, необычными с точки зрения человека, живущего в мирных условиях, а с другой – были обычными рабочими днями молодёжного советника в Афганистане.

Я, находясь в ДРА, часто думал, что не мешало бы всё население Советского Союза пропустить через Афганистан. Узнали бы, почём фунт лиха. По другому бы относились к советской действительности. К тому же ещё Афган лучше любого рентгена высвечивал человека: мерзавец и светлый проявля-

лись там очень ярко и отчётливо. Мы видели каждого, кто чего стоит и на что он способен. И, возвратясь в Союз, относились к ним, исходя из афганского опыта.

Несколько слов о географическом и социально-экономическом положении в провинциях юга Афганистана.

Протяжённость границы с Пакистаном составляет 840 км. На севере зоны расположены горы Западный Гиндукуш, средняя высота 2500–3000 метров. На юге пустыня Регистан. Климат сухой, осадков выпадает около 50–60 мм в год в осенние и зимние месяцы. В равнинной части снежного покрова не бывает. Дневная температура в летнее время достигает +60°C в тени и держится по несколько недель.

На территории провинций проживают пуштунские племена, составляющие большинство населения, среди которых ещё прочно сохраняются родо-племенные отношения. Население, включая кочевников и полукочевников, занимается сельским хозяйством. На поливных землях выращиваются пшеница, хлопок, ячмень, овощи, бахчевые, фрукты. В животноводстве преобладает мелкий рогатый скот.

Экономика провинций находилась тогда в запущенном состоянии. Местные власти не прилагали усилий по исправлению положения. Предприятия, фабрики простаивали либо работали по два–три часа в сутки. Нехватка топлива, электроэнергии, сырья, рабочей силы. Готовая продукция не реализовывалась: либо отсутствовал транспорт, либо совершались диверсионные акты при перевозке.

В сельском хозяйстве повсеместно использовался ручной труд. Имеющаяся сельскохозяйственная техника была физически и морально устаревшей. Некоторые работы проводились по очистке каналов, арыков, ремонту плотин и дамб, посеву и уборке зерновых, обработке фруктовых насаждений.

Одним словом – шла война.

Между “Парчамом” и “Хальком”

Сохранившиеся родоплеменные отношения причудливым образом наложили свой отпечаток на состояние и усугубление фракционных разногласий в правящей партии и афганском комсомоле.

В Народно-демократической партии Афганистана существовали две фракции: “Парчам” (знамя) и “Хальк” (народ).

В стране было два официальных языка – дари (персидский) и пушту (пуштунский).

Всё население Афганистана можно было разделить на две неравнозначные группы. Первая, малочисленная, группа – это правящая элита, к ней примыкали наиболее образованные люди, учителя, врачи, интеллигенция, проживающие в городах, и вторая группа – основная масса населения, в основном пуштуны.

Правящей частью партии являлись представители “Парчам”, они всегда общались на языке дари, даже если они являлись пуштунами по национальности. Знание и общение на языке дари для них – признак цивилизованности, принадлежности к знати, элите. Язык пушту – язык плебеев, простых людей, быдла.

Знатные пуштуны, вступая в НДПА, примыкали к “Парчам” для получения ещё более высоких должностей. Они презрительно относились к своим необразованным соплеменникам. Образование, как правило, получали на Западе, в США и по взглядам были сторонниками буржуазного образа жизни. К социалистическим преобразованиям они относились своеобразно: “Ваша власть, вы и защищайте её”, – говорили они нам, советским людям.

Халькисты были ближе к трудовому народу. Многие из них обучались в Советском Союзе (в основном военные). Боролись они за власть в НДПА и, естественно, за власть в стране.

Парчамисты и халькисты смертельно ненавидели друг друга. Всё это мешало восстановлению народного хозяйства. Одни стремились сохранить, другие захватить власть. Советских они использовали по своему усмотрению. Мы же, советники, хотя и стремились приглушить межфракционные разногласия, невольно становились на точку зрения местного руководства.

Эти разногласия в полной мере я ощутил в своей работе. Руководство провинциального партийного комитета НДПА были “парчамисты”, а руководитель провинциального ДОМА — “халькист”. Руководство ЦК ДОМА — “парчамисты”. Ко мне, советнику халькистов, мои руководители из ЦК ВЛКСМ (В. Сидоров — руководитель группы молодёжных советников, работавших в среде “парчамистов”) и крупные афганские партийные боссы относились как к “халькисту”. Парадокс, но это было так и очень мешало нашей общей советнической деятельности.

По итогам работы в Афганистане от советников требовался подробный отчёт о служебной командировке “за речку” — так называлась наша засекреченная поездка в Афганистан. Дополнительно просили у нас подготовить записку о своих наблюдениях, замечаниях, выводах, предложениях, которые нельзя было включать в официальный отчёт. В такую вот конфиденциальную записку я включил своё наблюдение, полученное после изучения положения дел в медресе. Медресе — учебное заведение для мальчиков, которое готовило священнослужителей — мулл — для работы в мечетях. В Кандагарном медресе обучались дети погибших родителей, в основном пуштуны. Среди преподавателей были и пакистанцы. Воспитание шло в жёстком фундаменталистском исламском духе, в духе джихада и ненависти к Советскому Союзу. Видимо, работали там и представители пакистанских спецслужб.

Позднее стало известно, что именно в Кандагаре сформировалось движение “Талибан”, основу которого оставили студенты, слушатели, семинаристы медресе юга Афганистана и Пакистана.

Завершая своё небольшое повествование, скажу: уверен в том, что благодаря нашей работе в Афганистане был сформирован костяк молодёжных и партийных кадров для работы в ДОМА и НДПА, которым была ясна вся трагедия фракционности в правящей партии Республики. В определённой мере нам удавалось стабилизировать ситуацию и не обострять разногласия между “Хальк” и “Парчам”. Свидетельство тому — единение и многолетнее сопротивление Талибану после вывода советских войск из Афганистана.

Помогали мы молодым афганцам глубже понять цели и задачи Апрельской революции, проводимых преобразований во имя трудового народа Афганистана. Тысячи юношей и девушек направлялись нами в средние, средне-специальные и высшие учебные заведения во многие города Советского Союза. Многие афганцы своими глазами видели и ощущали на себе всё то, что смогла дать советская власть простому народу.

Годы нашей работы не прошли даром ни для наших подсоветных, ни для нас самих. Я благодарен судьбе за время работы, которое я провёл в Афганистане. И не наша в том вина, что произошло позднее с Советским Союзом, с Демократической Республикой Афганистан.